

Окрестности горы Ушань всегда пользовались дурной славой: места здесь были глухие, дикие, а крутые тропы таили немало опасностей. Даже потомственные охотники из местных старожилов ни за что не решились бы нести свадебный паланкин сквозь эти непролазные чащобы. Все трое путников, сидевших в повозке, прекрасно это понимали. Оттого и заунывные звуки соны, то затихавшие в отдалении, то вновь приближавшиеся, казались посреди глухого леса особенно зловещими.

Цинь Шо никак не мог понять, почудился ему давешний голос или всё произошло наяву. Затаив дыхание, он оглядел спутников, но те лишь напряжённо всматривались в плотную занавеску, закрывавшую выход. Похоже, таинственного зова никто из них не услышал. В душу закралось смутное сомнение: уж не помутился ли разум после всех потрясений на Собрании бессмертных?

Экипаж замер на развилке, пропуская свадебное шествие. Грохот гонгов и треск барабанов понемногу отдалялись, и вскоре процессия скрылась из виду, однако кучер даже не думал братья за вожжи. Он словно оцепенел, уставившись в пустоту.

Цзян Юэ не удержался от вопроса:

— Что там стряслось? Паланкин ведь давно проехал, почему стоим?

— Простите великодушно, господа, — извозчик вздрогнул, будто очнувшись от наваждения, и виновато обернулся к пассажирам. — Но дальше мы сегодня поехать не сможем. Придётся повернуть назад.

— Время ещё детское, — нахмурился Цинь Шо. — До Императорской столицы отсюда от силы полдня пути. С чего вдруг мы должны возвращаться?

— Вы люди приезжие, здешних порядков не знаете, — тяжело вздохнул мужчина. — Тот паланкин, что нам дорогу пересёк, не обычный. На нём везли невесту для горного духа. Прежде девиц провожали исключительно под покровом ночи, а сегодня — виданное ли дело! — среди бела дня выехали. Дурной это знак, господа, ох дурной! Коли поедem следом, навлечём на себя гнев горного владыки. Из-за такого святотатства во всём уезде житья не станет, и господин уездный начальник с нас живых не слезет...

Цинь Шо бросил выразительный взгляд на Сун Ваньчэня.

* «Странно всё это. Разве духовные вены посёлка Учжэнь не угасли ещё несколько десятилетий назад? Без подпитки изначальной духовной энергии здесь не мог зародиться ни один мало-мальски сильный дух, не говоря уж о божестве. Ты бывал в этих краях прежде, слышал о чём-то подобном?»*

Сун Ваньчэнь задумчиво опустил ресницы.

* «Я наведывался сюда лет двенадцать назад. Посёлок тогда процветал, на улицах звенели голоса, не то что нынешнее унылое прозябание. Но ни о каком горном владыке и человеческих жертвах никто и словом не обмолвился. Подобных слухов точно не было».*

— Любопытные у вас обычаи, — Цзян Юэ недоумённо изогнул бровь, рассеянно поглаживая по голове пригревшегося на его коленях маленького чёрного пёсика. — Сколько земель я исходил, а про свадьбы с горными духами слухом не слыхивал. С чего вдруг в Учжэне завелась такая традиция? Кто додумался до этого — уж не ваш ли уездный начальник постарался?

— Побойтесь неба, сударь, не навлекайте беду такими речами! — испуганно зашептал кучер, отчаянно замахав руками. — Наш господин уездный начальник спит и видит, как вернуть уезду былое величие, всё ради простых людей делает! Полвека назад наш край горя не знал, а потом пришёл в упадок. Теперь-то мы понимаем: всё из-за того, что забыли о почтении к горному владыке. Господин уездный начальник долго голову ломал, как исправить положение, пока однажды через наши земли не проходил странствующий старый даос. Он-то и открыл истину: коли желаем мира и сытости, надобно каждую весну отдавать в жёны великому духу самую чистую и непорочную деву в округе. И ведь не обманул старец! Который год закрома ломаются от зерна, люди не знают нужды ни в еде, ни в тёплой одежде. Мы на уездного начальника молиться готовы, а вы — «постарался»... Кто ж посмеет дурное о благодетеле сказать?

— Но что значит «самая чистая и непорочная»? — Цинь Шо приоткрыл занавеску и взглянул на кучера. На обветренном лице простолюдина читалась глубокая, искренняя вера. — Неужто для этой жертвы подходят далеко не все?

— Разумеется, — охотно подтвердил извозчик, подавшись ближе к перегородке. — По словам уездного начальника, девица должна явиться на свет в год, месяц и день Чистого Инь. Отыскать такую непросто, оттого каждую весну стражники обходят все дворы без исключения. И если семья добровольно отпускает дочь к горному владыке, то до конца своих дней ни в чём не будет нуждаться — великий дух сполна одарит их безбедной жизнью.

— А коли семья заартачится и откажется отдавать дочь на погибель? — нахмурился Цзян Юэ. — Что тогда?

— Вы люди благородные, видно сразу, потому и скажу... — кучер боязливо огляделся по сторонам и перешёл на едва различимый шёпот. — Только уговор: ни одной живой душе ни слова! Помните юную окраину посёлка? Там ещё улочка есть совсем заброшенная, дома пустые стоят, гниют потихоньку. Вот там-то и жили те, кто посмел противиться воле горного владыки. Бог весть, кара ли то небесная или проклятие, но много лет назад выбрали одну девицу. Она в слёзы — ни в какую не желала уходить, да и родители в ней души не чаяли, берегли пуще зеницы ока. В общем, наотрез отказались отдавать дитя. И что вы думаете? В ту же ночь вся семья почилла. Ни единая душа не уцелела — от мала до велика полегли. Присланные из управы приставы наскоро побросали тела на телеги и увезли, а причину смерти утаили. Поговаривали, то сам разгневанный дух покарал строптивцев. С тех пор ещё несколько семей пытались перечить, и со всеми приключалась та же беда. Слухи один страшнее другого поползли... В конце концов у местных и мыслей не осталось перечить властям. Кому охота всю родню в могилу свести?

Цинь Шо поёжился, вспомнив ту самую безлюдную улицу, которую они заметили вчера по приезде. Теперь становилось ясно, почему прохожие обходили её стороной, а по ночам там завывал ледяной ветер, от которого стыла кровь. Место, где среди бела дня вырезали целые семьи, неизбежно должно было превратиться в гиблое гнездо скорби и страха.

Но один вопрос не давал ему покоя: неужели тот тихий зов, прозвучавший вчера в тёмном переулке, действительно был лишь плодом утомлённого воображения?

— Да и вообще творится невесть что, — кучер, истосковавшийся по благодарным слушателям, окончательно разошёлся и со вздохом поделился собственными опасениями. — Поначалу-то всё ладно складывалось: выдавали девок по ночам, как положено, и беды не знали. А в последние годы словно сглазил кто. Чудеса, да и только! Свадебный паланкин, почитай, у самой вершины горы вдруг окутывает густой туман, а когда он рассеивается — ни невесты, ни носильщиков. Пропадают бесследно! И дабы умиловить грозного владыку, нашему уездному начальнику приходится спешно искать новую замену. Та бедняжка, которую мы сейчас встретили — уже третья за этот месяц! Уж и не знаю, доберётся ли до места...

Договорить он не успел. Внезапно вековые деревья зашумели, и на дорогу обрушился яростный шквал. Поднявшийся вихрь швырнул в лицо тучи пыли и мелкого гравия. В одно мгновение окрестности потонули в серой удушливой хмари. Солнечный свет померк, а испуганные кони жалобно заржали, пятясь назад и отказываясь подчиняться вожжам.

Повозку немилосердно затрясло. Цинь Шо инстинктивно закрыл лицо рукавом широкого халата, но едкая пыль всё равно забилась в горло, заставив его мучительно закашляться. И вдруг сквозь этот хаос к нему потянулись чьи-то руки. Кто-то заслонил его от бури своим телом, а к губам юноши прижались прохладные пальцы, вкладывая целебную Пилюлю Очищения Сердца.

Цинь Шо безотчётно перехватил чужую ладонь. Ощувив под пальцами знакомые длинные, изящные суставы, он замер, удивлённо распахнув глаза.

Не успел он обратиться к спутнику мысленно, как снаружи, со стороны свадебной тропы, донеслись истошные крики:

— Беда! Беда! Пропал паланкин! Исчез!

— Это ледяной ветер мертвецов! Спасайтесь кто может!

— Пощади, великий дух! Не гневайся на нас, грешных!..

Раздался металлический звон. Обезумевшие от ужаса сопровождающие, побросав ритуальную утварь, сломя голову бежали наутёк.

Когда буря утихла, путники открыли глаза. Цинь Шо поспешно высвободил ладонь из пальцев Сун Ваньчэня, пока Цзян Юэ ничего не заметил, и с невозмутимым видом уставился в окно. Праздничная процессия полностью рассеялась — перепуганные люди тенями проносились мимо повозки, катясь кубарем вниз по склону.

Ясный весенний день уступил место глухой, непроницаемой мгле. Окружающий бор потонул в сером мареве, сделавшись мрачным и неприветливым, словно в глубокие сумерки. Сквозь плотную завесу тумана не пробивалось ни единого луча солнца. Лишь ветер уныло шелестел листвой, нагоняя тоску среди гробовой тишины.

— Господа хорошие, Христа ради, давайте повернём обратно! — кучер дрожал всем телом и без умолку шептал молитвы, испуганно оборачиваясь к пассажирам. — Денег за сегодняшний выезд я с вас не возьму, ни полушки не надо! А завтра на рассвете, коли уляжется, я снова к вам подъеду. Идёт?

— Что ж, будь по-вашему, — понимая, что спорить бесполезно, Цинь Шо вздохнул и согласно кивнул. — Отвезите нас обратно на постоянный двор.

— Не беспокойтесь, вмиг домчу! — облегчённо выдохнул извозчик, утирая пот со лба. — Благо отъехать далеко не успели, через полчаса уже на месте будем. А коли б дальше сунулись — живыми отсюда точно не выбрались бы...

Экипаж развернулся и покатил обратно. Вскоре они покинули гиблое ущелье и выехали на ровный тракт. Яркое солнце, вновь засиявшее над головой, мало-помалу рассеяло гнетущую тревогу, сковавшую путников на лесной развилке.

Цинь Шо то и дело оборачивался, бросая взгляд на окутанную мглой вершину горы. На душе было скверно.

— Послушай, любезный, — нарушил он молчание. — А те люди, что сопровождали невесту... они вернутся, чтобы отыскать пропавший паланкин?

— Да где там! — махнул рукой кучер, прикрикивая на лошадей. — Все они — простые бедняки, за гроши нанялись. Кто ж станет головой рисковать ради чужой девки? Подобная чертовщина у нас раза три в год случается. Тут уж ничего не поделаешь.

— То есть они просто бросили человека посреди глухого леса и преспокойно ушли? — Цзян Юэ возмущённо фыркнул. — А потом выберут новую жертву и отправят следом?

— Не извольте гневаться, господа, — поспешил оправдаться извозчик. — Обычай у нас древний, а напасть эта — дело недавнее. Паланкины и прежде пропадали в тумане. Поначалу то мужики пытались искать, прочёсывали чащу, да только всё без толку: ни следа не находили, словно сквозь землю все провалились...

Цинь Шо нахмурился и вновь обратился к Сун Ваньчэню.

* «Если духовные вены горы Ушань мертвы, то никакого горного божества здесь быть не может. Неужели в чаще затаился демон?»*

Спокойный и глубокий голос Сун Ваньчэня тотчас прозвучал в его сознании.

* «Исключено. Если здешняя земля бесплодна для чистых духов, то и нечисти тут взяться неоткуда. Всех обосновавшихся в этих краях демонов истребили ещё лет двенадцать назад во время зачистки».*

Тайна уходила корнями в какую-то пугающую глубину. Цинь Шо задумчиво опустил голову. Он колебался, не зная, стоит ли совать нос в это тёмное дело.

Ищейкам из Дворца Небесного Начала уже было известно его примерное местонахождение. Возвращение на постоянный двор являлось мерой вынужденной и опасной. Провести там одну ночь — риск приемлемый, но стоит задержаться дольше, и в следующий раз по его душу явятся далеко не двое заурядных заклинателей на стадии Зарождающейся Души.

С другой стороны, стоило ему закрыть глаза, как в ушах упрямо звучал тот самый тихий, жалобный зов из ночного переуллка.

«Может, то была мольба о помощи от тех несчастных девиц?»

Когда экипаж остановился у ворот постоянного двора, солнце уже стояло в зените. Кучер помог пассажирам сойти на землю и, почтительно поклонившись, пообещал подать повозку завтра к первому петушиному крику.

Цинь Шо, погружённый в невесёлые думы, безучастно следовал за спутниками, как вдруг его окликнули.

— Юный друг Ую, — донёсся с обочины хрипловатый голос.

Юноша вздрогнул и обернулся.

У пыльной стены сидел старый хромой нищий. Несмотря на лохмотья и нечистоплотный вид, старик держался на удивление величаво и свободно. Он небрежно подбрасывал в выщербленной плошке несколько медных монет, с лёгкой усмешкой разглядывая подошедшего.

— Коли терзают сомнения, отчего бы не бросить кости и не узнать судьбу?

<http://bllate.org/book/20094/1998522>